

Нередко шванки представляют собой яркие жанровые картинки, приуроченные к тем или иным местностям Германии. Чаще всего в них рассказывалось о всевозможных чудачествах, смешных поступках, забавном неразумии или ловкости, хитроумии и т. п. Излюбленными героями являются незадачливые глупцы, лукавые обманщики, лицемеры, честолюбцы, обжоры, пьяницы, модники, пронырливые жены, шарлатаны врачи, взяточники судьи, нерадивые слуги, трусливые баварцы, глуповатые и жадные швабы («Дружок в дорожку», 6; «Общество в саду», 18 и пр.). Но далеко не всегда все дело в шванках сводилось к поверхностному зубоскальству. Подчас насмешка превращалась в злую издевку (например, сатира на католический клир, особенно резко звучащая в шванках Кирхгофа, создававшихся в период усиления католической реакции). Подчас авторы шванков выступали на защиту обездоленных и угнетенных. О жалком уделе бедняков писал Викрам («Дорожная книжица», 59). Еще шире эту тему разворачивает М. Монтан, отличающийся наиболее демократическим образом мыслей. Он рассказывает о бедных родителях, не могущих прокормить своих детей («Общество в саду», 11, 29, 30). Нередко нищета доводит бедняка до преступления («Дружок в дорожку», 36; «Общество в саду», 61). И вину за эти преступления Монтан, прежде всего, возлагает на больших господ, по милости которых маленькие люди вынуждены испытывать жесточайшую нужду. Он отказывается верить в то, что вместе с властью бог даровал большим господам право выжимать последние соки из их подчиненных. «Я не верю в то, что это им даровано богом», – решительно заявляет он в одном месте («Дружок в дорожку», 13). Викрам выступает также в защиту женщин, к которым, по средневековой традиции, многие бюргерские писатели XVI века продолжали относиться неприязненно. Он высказывается за взаимное уважение в семейной жизни, осуждает брак по расчету («Дорожная книжица», 4, 16, 17 и др.).

За мир и единство Германии постоянно ратовал Кирхгоф (I, 26–30). Он осуждал князей, которые ввергают страну в пучину междоусобных войн, неизбежно приводящих ко всеобщему опустошению (I, 31). В пример современным правителям он ставит князей минувших веков, стремившихся разрешать все споры мирным путем (IV, 62–63). Описывая в ряде рассказов ужасы войны (III, 31–126; V, 174–177 и др.), Кирхгоф призывает своих современников содействовать упрочению мира. «Верьте мне, – говорит он, – война – это жестокий большой зверь. Чем больше его бьешь, тем свирепее он становится и тем больше наносит вреда» (IV, 94). Слова Кирхгофа были поистине пророческими. Прошло немного времени, и немецкие князья спровоцировали опустошительную Тридцатилетнюю войну, которая довела Германию до крайней степени падения.

Все эти выступления по вопросам, волновавшим современников, не могли не повышать общественного значения шванков. К тому же в этих незатейливых повестушках довольно широко отражалась жизнь Германии XVI века. Конечно, реализм шванков был еще достаточно примитивным. Только в редких случаях авторы поднимались до социальных обобщений. Однако обилие красочных бытовых деталей, сочный разговорный язык, занимательность фабулы придают шванкам большую живость. Повествовательный элемент в более поздних шванках развит гораздо сильнее, чем в коротких «прикладах» Паули, служивших прежде всего средством религиозно-нравственного поучения. Вместе с тем стремление во что бы то ни стало развлечь, позабавить читателя нередко увлекало авторов шванков на скользкий путь. Иные шванки крайне грубы и откровенно непристойны. Это касается главным образом сборников Якоба Фрея, Валентина Шуманна и особенно Михаэля Линденера, цинично смакующего детали любовных эпизодов, в то время как Йорг Викрам еще не выходит за пределы благопристойности и даже особо отмечает в обращении к «любезному читателю» отсутствие в книжечке всего того, что могло бы поразить целомудренный слух «порядочных, достойных женщин или даже девиц».

Йорг Викрам подчас вплетает в сборник шванков чувствительные печальные истории, так же поступают и некоторые из его последователей, использующие для этого сочинения итальянских новеллистов или современную хронику происшествий. У Монтана, например, наряду со скабрешными шванками можно найти трогательную историю (драматизированную впоследствии Гансом Саксом) о злополучной любви Изабеллы («Дружок в дорожку», 37) или грустный рассказ о том, как Адам Штегман из Обернагена в Эльзасе убил двух детей, которых ему нечем было кормить (там же, 36).

Эти чувствительные истории образуют как бы переход к бюргерским романам Йорга Викрама, в которых автор делает знаменательную попытку преодолеть лубочный примитивизм и грубоватость современной немецкой прозы. Начав со старомодных повествований в духе народной книги «Прекрасная Магелона», Викрам в «Золотой нити» (1554) делает смелый шаг и изображает